

РАЗВОРОТ

— То есть ничего страшного?

— Нет, я не скажу, что «ничего страшного». Если сидеть сложа руки и ничего не делать, а ситуация будет примерно такая, как сейчас, нам этих накоплений хватит примерно на три года.

Опасность заключается в том, что если всё время думать, что у нас всё хорошо, и, например, допускать немалое количество банков, которые давно уже не отвечают за свои обязательства ничем, экономика действительно не выдержит.

— Какие реальные шаги для выхода из кризиса предпринимают законодатели кроме тех, о которых вы уже говорили?

— Мы не трогаем бюджетные статьи, связанные с заработными платами в социальной сфере, они не уменьшаются. Не входим в обозримом будущем никаких пенсионных ограничений, как это делают Украина и некоторые страны ЕС.

Минфин РФ готовит новые предложения по бюджету, которые будут приняты в первой половине будущего года, потому что нельзя немедленно при нестабильном курсе и нестабильной цене нефти суетливо принимать какие-то масштабные поправки. Иначе мы будем просто бежать за «паровозом».

Надо посмотреть на тенденции и, когда всё более-менее стабилизируется, пересчитать бюджет. Но даже в самом сложном варианте катастрофических последствий от пересчёта не будет.

Также предлагаются меры по снижению административных барьеров для малого и среднего бизнеса, есть и иные антикризисные меры.

— Президент РФ Владимир Путин в конце прошлого года пообещал уменьшить налоги и административный контроль для «добропорядочных компаний». Начало года показывает, что ситуация и с налогами, и с контролем только ухудшается. Теперь с проверками к бизнесу контролирующие органы получили право приходить даже без предупреждения. Есть шанс, что декларации руководства страны перестанут расходиться с реальной действительностью?

— Путин — не волшебник. Он не может взмахнуть рукой так, чтобы сразу всё изменилось. Так не бывает. Между ним и бизнесом — миллионы людей в шинелях, мундирах, которые по-другому пока не умеют. Если работник инспекции привык перед Новым годом с сумочкой обходить подведомственные объекты, эта привычка у него никуда не исчезла. А новых людей, увы, ещё нет.

— Рассматриваются ли пути выхода России из сложившейся экономической ситуации депутатами Госдумы, Советом Федерации?

— Мы приняли решение не менять в сторону ужесточения налоговое законодательство. Несмотря на кризис, не инициировать новых налогов. Мы вводим зоны ускоренного развития (Владивосток, Крым). С 1 января начал работу Евразийский экономический союз, в рамках которого отечественный бизнесмен может перевести своё предприятие, к примеру, в Казахстан. В то же время бизнесмен из любой республики, входящей в союз, может в полном объёме рассчитывать на госзаказ, муниципальный заказ на территории России, выполнять массу других работ.

Важная задача — отвадить крупные госкорпорации заниматься всем на свете. Они должны выводить на аутсорсинг (подряд и субподряд) работы

и услуги, чтобы малый и средний бизнес мог «припасть» к этому «пирогу». В результате цены будут уменьшаться, издержки снижаться, возникнет дополнительный резерв, который существенно выше предполагаемого бюджетного дефицита в России.

Нам необходима политическая воля, чтобы наши силовые структуры занимались только своими делами. Они не в состоянии варить сталь, управлять банками, осуществлять сложные дипломатические переговоры и идеально-нравственное воспитание общества, хотя пытаются порой в эти сферы войти. Это — результат исторического наследия, генетической памяти. Но от него надо освобождаться. Если мы хотим движения вперёд, то надо очень чётко уяснить место силовых структур в государстве. Правоохранительные органы — это важнейший элемент, но он должен быть не государством в государстве, а частью общества, выполняющей важную функцию. Не более того.

— Декан экономического факультета МГУ Александр Аузан прогнозирует два сценария для отечественной экономики — «либерализационный» и «мобилизационный». Эти сценарии действительно являются объектами обсуждения в высших эшелонах власти?

— Дискуссий ведутся десятки. Для того чтобы провести мобилизационный вариант экономики, необходимо существенным образом изменить политическую систему. Не получится реализовать мобилизационный сценарий в духе 1933 или 1937 года, оставаясь в существующей системе. Возвращаться в то время, на мой взгляд, неправильно по многим причинам. Обсуждать их даже не буду.

Эффект от такой меры будет краткосрочным. Группа товарищей пробовала,

скажем, целесообразности санкции продолжать. Позиция европейского бизнеса, работающего в России, единодушна — прекратить санкции как можно скорее. В частных разговорах европейские бизнесмены говорят, что если такая политика продолжится, то они поставят вопрос о том, поддерживать ли правительства, живущие на их деньги.

Есть, конечно, и сторонники санкций, но эти люди там не доминируют. По моим оценкам, во Франции примерно 40% граждан категорически против того, что делается в отношении России. В Германии много представителей правящего класса, мягко говоря, не очень согласных с позицией Ангелы Меркель. В Италии практически консенсус по поводу того, что надо завязывать с санкциями.

Третья группа санкций связана с тем, чтобы ограничить возможности развития Крыма. Непризнание Крыма как российской суверенной территории. Эти санкции вряд ли будут отменены в обозримом будущем.

— Многие считают, что проект Евразийской интеграции — если не «фейковый», то, во всяком случае, больше «пиаровский», нежели «прикладной» — некий жест в сторону Запада, мол, «без вас обойдёмся».

— Этому вопросу 20 лет. «Пиаровские» проекты столько же не живут. Некоторые элементы Евразийского союза возникли раньше. Евразийский банк развития появился с 2006 года, раньше, чем Евразийский экономический союз. Его головной офис расположен на территории Казахстана и работает успешно, без финансовых потрясений.

В Минске уже несколько лет действует Евразийский суд. Есть также парламентское измерение со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге. Три года назад соз-

Выдача кредита человеку без обеспечения — это точно антироссийская деятельность, антигосударственная, масштабная финансовая «диверсия»

она называлась ГКЧП. Сейчас даже не 1991-й, а 2015 год. В то же время, если пойти по сугубо либеральному пути, то мы пережили 1990-е годы, надо нам это снова?

Я не вижу сегодня катастрофического сценария. Если нарочно не толкать нашу страну к катастрофе, её не будет. У нас запас прочности намного выше.

— Вы действительно рассчитываете на скорую отмену международных санкций?

— Есть три типа санкций. Первые касаются отдельных физических лиц, они были приняты на эмоциональной волне и не имели экономических последствий. Их могут как отменить, так и не отменить. На самом деле они никому сильно не мешают.

Второй тип — санкции экономические, секторальные, которые действительно наносят ущерб. В отношении них мы применили ответные меры. Если не произойдёт ничего сверхъестественного, эти санкции просто не будут продлены. Я говорю прежде всего о странах Европейского союза и, возможно, Японии. Не очень уверен, что также поступят Канада, Австралия и США, но с этими странами объёмы торговли микроскопические и не играют особой роли для России.

У стран ЕС нет ни политической воли, ни возможности, ни экономиче-

дан Таможенный союз. То есть всё реально. Решения Евразийской экономической комиссии, наднационального органа, обязательны для всех стран содружества.

— Скажите как экономист и как зампред комитета Совфеда по международным делам, в чём практическая польза для бизнеса и экономики (например, Пермского края) от этого сотрудничества?

— Приведу два простых примера взаимовыгодного сотрудничества. Для космодрома Байконур, с которого взлетают российские космические аппараты и где работает российский персонал, таможенные процедуры представляли существенный барьер: какими бы добрыми ни были отношения, существуют официальные процедуры. Теперь этого барьера не стало.

Или пример чисто бытовой: прежде, когда россиянин направлялся на Дальний Восток, он дважды пересекал российско-казахстанскую границу. Сейчас проезд для него свободный.

— Может воспользоваться преимуществами такого сотрудничества бизнес Прикамья?

— Думаю, он обязан ими воспользоваться. А сделает ли он это — вопрос. Право пользоваться госзаказом на соседней территории, возможность по национальным лицензиям, разрешительным доку-

ментам осуществлять ту или иную деятельность на любой территории — это дополнительные возможности. Многие проблемы можно решить перемещением рабочей силы — берешь её там, где она есть. И не надо этих людей оформлять как иностранцев. Появляется свобода для перемещения финансовых потоков. Возможность пользоваться услугами того же Евразийского банка развития.

Пермский край имеет по нынешним временам существенный минус, который в прежние времена был нашим плюсом. Нас спасало то, что Прикамье — глубоко континентальный регион, где в течение 500 лет не было войн, кроме гражданской. Сейчас, как правило, потенциал развития имеют приграничные территории, преимущественно на побережье морей и океанов. Мы слишком глубоко зашли в «подполье»: даже изобилие природных ресурсов, позитивный энергобаланс нас не спасают. Рабочая сила не настолько квалифицированная, как прежде, но уже стоит недёшево. Произошёл поколенческий сдвиг, в активе остались одни «менеджеры». Более того, наш «средний» человек квалификацию потерял, а потребности его возросли. Мы оказались в ситуации, когда кроме форумов нам надо ещё что-то делать в реальной жизни.

В Прикамье есть геологическая наука, крупнейшие в мире месторождения полезных ископаемых, достаточное количество собственной нефти, гидроэнергетика. Серьёзные заделы остались в машиностроении. Они не так, быть может, видны, но они реально существуют. Но этого уже недостаточно.

Мы должны открывать для себя другие сегменты. В том числе с учётом удалённости мы должны заниматься малотоннажным, но трудоёмким производством, когда добавленный продукт в большем количестве остаётся на нашей территории. Это то, что сегодня, в частности, делает компания «Прогноз», работающая на мировом уровне. Геология, традиционно неслабая химия также могут стать точками роста. Можно развивать на территории региона, допустим, фармацевтику с её ранее заложенными традициями и мощной учебной базой.

Пермь — вузовский город. Давайте попробуем системно готовить кадры для Казахстана, Киргизии, Армении...

Есть ещё две актуальные темы: сотрудничество со странами ШОС и БРИКС.

Ну и самое узкое место для туризма и выставочно-конгрессной деятельности — пермский аэропорт. В 1991–1992 годах были все возможности при поддержке ЕБРР превратить его в современный хаб. Они были упущены — сейчас о хабе даже вдолгую не может идти речь. Но это не повод держать ворота города в таком ужасном состоянии.

В целом, говоря о нашем потенциале, могу сказать, что Пермский край в смысле природных ресурсов практически по всем параметрам гораздо более обеспечен, чем Бельгия, которая входит в десятку крупнейших экспортёров мира. Есть над чем задуматься.

Потенциал достаточный, развить его — задача поколенческая. Если идти только традиционным путём, мы не выберемся из сложившейся ситуации. Но если сложить усилия, то рост регионального валового продукта на 40% при том же населении можно обеспечить в разумные сроки. Это не делается взмахом пера, а достигается только упорной, последовательной работой. ■